

чуткостью, прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ Алексѣя Борисовича и благоговѣнно поникали передъ нимъ. Иногда въ этомъ кружкѣ появлялась Варя. Она вносила съ собой пикантное и восторженное настроеніе. Изыщная, великолѣпная, обворожительная,—она повсюду зажигала сердца. Поэты слагали ей сонеты, фельетонисты описывали ея костюмы, художники писали съ нея картины, музыканты посвящали ей серенады и вальсы...

Графъ засталъ Лукавина за чтеніемъ газетныхъ объявленій. — «Какъ тебѣ не стыдно!» — воскликнулъ онъ.

— Чего стыдиться-то? — съ недоумѣніемъ произнесъ Петръ Лукьянычъ.

— Да кто же читаетъ объявленія?

— А что же по вашему читать? (не смотря на то, что Облѣпищевъ давно ужъ говорилъ ему *ты*, онъ все еще не рѣшался слѣдовать его примѣру).

— Ну, передовую статью, фельетонъ, хроникку.

Лукавинъ тряхнулъ волосами.

— Что до хроники — я ее прочелъ, — сказалъ онъ. — А передовыя статьи да фельетоны — не подходящее дѣло, Михайло Иракличъ!

— Какъ не подходящее?

— Да такъ-съ... Положительности отъ нихъ никакой нѣтъ. Въ объявленіи я что вижу: ежели продается карета, такъ ужъ она продается, сдается квартира по случаю — такъ сдается... А теперь вы возьмите фельетонъ вашъ: вонъ какой-то баринъ за женскій вопросъ распинается. Ну и распинайся онъ до скончанія вѣковъ, а все-таки по его не сдѣлается. Такъ и въ передовой статьѣ: джуть! джуть!.. Джуть, точно, дѣло интересное, да рѣшить-то его господинъ министръ финансовъ. Скажите же на милость, зачѣмъ я буду читать ее, эту передовую статью!

— Ну, логика, — усмѣхаясь, сказалъ Облѣпищевъ: — какъ это ты съ такой-то логикой да не женился до сихъ поръ!

— И женюсь, — шутливо отвѣтилъ Лукавинъ, — вотъ погодите: найду дѣвицу, чтобы восемь пудовъ тянула, и сочетаюсь.

— И миллионъ приданаго?

— Ну — миллионъ! съ однимъ вѣсомъ возьмемъ.

— Почтенный идеалъ, — насмѣшливо сказалъ графъ, и вдругъ игриво ткнулъ Петра Лукьяныча въ животъ, — вѣдь балаганничаешь все, Пьерка! — воскликнулъ онъ, — смотри не къ тушѣ пламенѣть твое сердце, а къ моей кузинѣ!